

I

Однажды вечером багдадский калиф Хасид уютно сидел на диване. Он чуточку вздремнул, ибо день стоял жаркий, и вид у него после сна был очень довольный. Он покурил длинную трубку из розового дерева, прихлебывал кофе, который ему подливал раб, и довольно поглаживал бороду, смакуя каждый глоток. Короче говоря, у калифа на лице было написано, что он блаженствовал. Говорить с ним в эту пору было очень удобно, поскольку он неизменно бывал тогда милостив и приветлив, и не диво, что его великий визирь Манзор посещал его каждый день в такие часы. На сей раз он тоже явился, но вид у него был очень задумчивый совсем не по обыкновению. Калиф на один миг вынул изо рта трубку и спросил:

- Почему у тебя такое задумчивое лицо, великий визирь?

Великий визирь скрестил на груди руки, отвесил поклон своему повелителю и отвечал:

- Не знаю, повелитель, задумчивое ли у меня лицо, но там внизу у дворца стоит мелочной торговец, и у него такие чудесные вещи, что мне досадно: отчего у меня столь мало лишних денег!

Калиф, давно уже хотевший порадовать своего великого визиря, послал черного раба вниз за торговцем. Вскоре раб привел его. Торговец оказался низеньким смуглолицым толстяком, одетым в лохмотья. Он принес ларь со всяческими товарами, там были и бусы, и кольца, и пистолеты с богатой насечкой, и кубки, и гребни. Калиф и его визирь всё осмотрели, и наконец калиф купил себе и Манзору славные пистолеты, а жене визиря гребень. Когда торговец уже закрывал свой ларь, калиф увидел выдвижной ящик и спросил, нет ли там еще какого-нибудь товара. Торговец выдвинул ящик и извлек оттуда коробочку с черноватым порошком и листок бумаги со странными письменами, прочесть которые не сумели ни калиф, ни Манзор.

- Мне достались оба эти предмета от одного купца, который нашел их в Мекке на улице, - сказал торговец. - Не знаю, что в них таится. Отдам их вам дешево, ведь мне от них проку нет.

Калиф, охотно приобретавший для своей библиотеки старинные рукописи, хотя он и не умел их читать, купил грамотку и коробочку и отпустил торговца. Но калиф подумал, что хорошо бы узнать, о чем говорится в грамотке, и спросил визиря, не знает ли тот кого-нибудь, кто мог бы ее разобрать.

- Милостивый владыка и повелитель, - отвечал визирь, - у большой мечети живет один человек, которого зовут Селим-грамотей, он знает все языки. Вели позвать его! Может быть, он прочтет эти таинственные письма.

Селим-грамотей был вскоре доставлен.

- Селим, - сказал ему калиф, - Селим, говорят, что ты человек очень ученый. Взгляни-ка на эту грамотку, не сумеешь ли ты прочесть ее. Если сумеешь, то получишь от меня новую праздничную одежду, а если нет, то получишь двенадцать оплеух и двадцать пять ударов по пяткам, потому что в таком случае тебя зря зовут Селимом-грамотеем.

Селим поклонился и отвечал:

- Да свершится воля твоя, о повелитель!

Он долго разглядывал грамотку. Вдруг он воскликнул:

- Это по-латыни, о повелитель, пусть меня повесят, если я ошибаюсь!

- Скажи, что там написано, - приказал калиф, - если это по-латыни.

Селим принялся переводить:

- "Кто это найдет, восхвали аллаха за его милость! Кто понюхает порошок из этой коробочки и произнесет при этом слово "мутабор", тот превратится в любое животное и будет понимать язык животных. А если он пожелает вернуть себе человеческий облик, пусть трижды поклонится на восток и произнесет это же слово! Но бойся рассмеяться, когда превратишься в животное! Волшебное слово выскочит у тебя из памяти, и ты так и останешься животным".

Когда Селим-грамотей это прочел, калиф донельзя обрадовался. Он велел грамотею поклясться, что тот никому ничего не скажет об этой тайне, подарил ему прекрасную одежду и отпустил его. А своему великому визирю сказал:

- Вот это покупка так покупка, Манзор! Мне не терпится превратиться в животное! Приходи ко мне завтра с утра пораньше! Мы пойдем вместе в поле, примем по понюшке из моей коробочки и послушаем, что говорят в воздухе и в воде, в лесах и полях!

II

Только успел калиф Хасид на следующее утро позавтракать и одеться, как уже явился великий визирь, чтобы сопровождать его, как тот велел, во время прогулки. Коробочку с волшебным порошком калиф засунул в кушак и, приказав своей свите остаться дома, отправился в путь с великим визирем совсем один. Сперва они бродили по просторным садам калифа, но сколько ни глядели, так и не углядели там ничего живого, чтобы проделать свой фокус. Наконец визирь предложил пройти дальше к пруду, где он уже не раз видел всяких животных, особенно аистов, которые своим важным видом и цоканьем всегда привлекали к себе его внимание.

Калиф одобрил предложение своего визиря и направился с ним к пруду. Придя туда, они увидели аиста: чинно шагая взад и вперед, он искал лягушек и время от времени негромко поцокивал. Одновременно они увидели высоко в воздухе другого аиста, который как раз подлетал к этому месту.

- Я отдам свою бороду, ваша милость, - сказал великий визирь, - если эти два ходульщика не поведут между собой любопытного разговора. Уж не стать ли нам аистами?

- Отличная речь! - отвечал калиф. - Но прежде еще раз припомним, как снова стать человеком!.. Верно! Трижды поклониться на восток и сказать "мутабор" - и я снова калиф, а ты визирь. Только не приведи боже рассмеяться, тогда мы пропали!

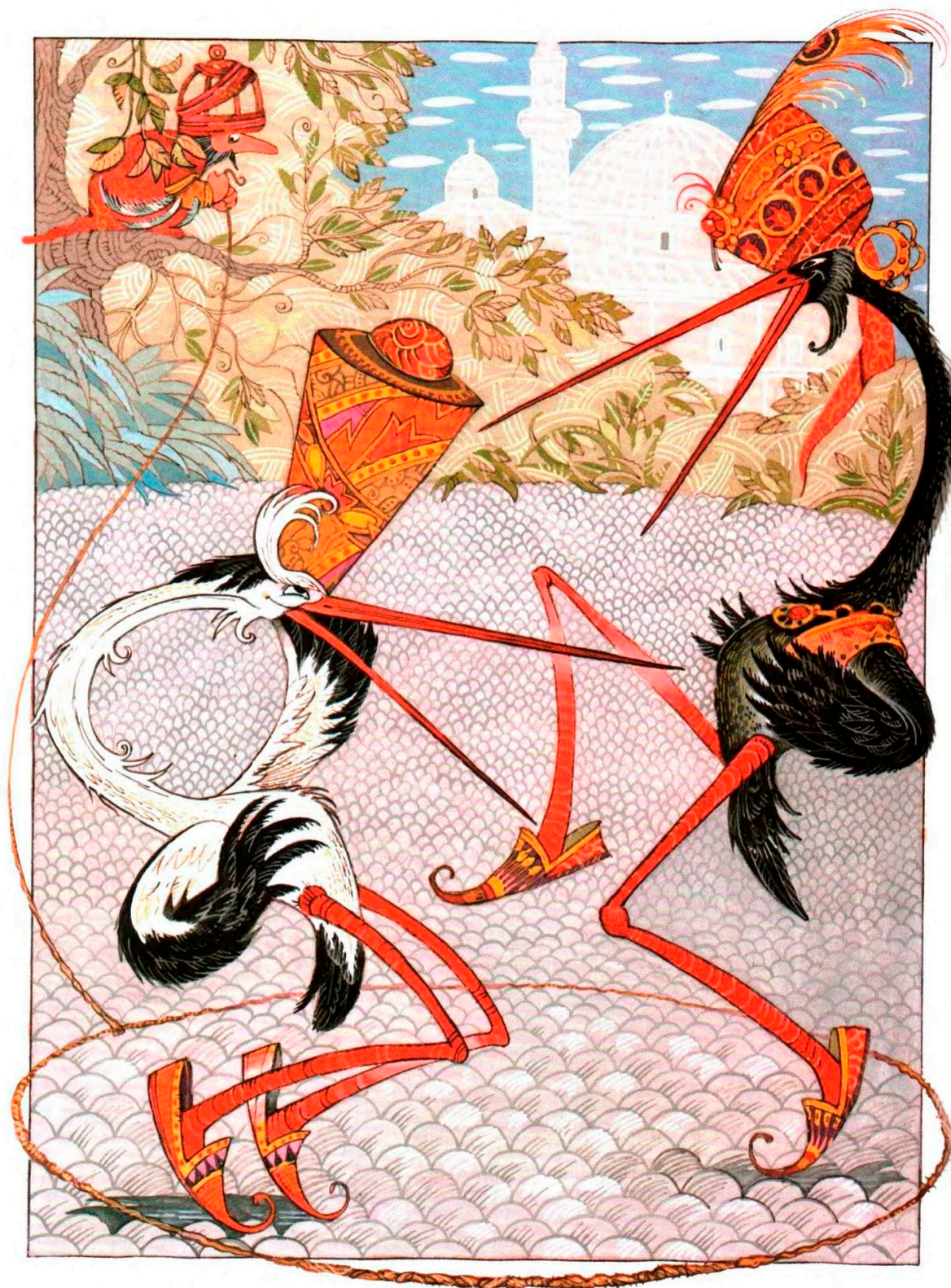
Говоря это, калиф увидел, что другой аист парит над их головами и медленно опускается на землю. Он быстро вынул из кушака коробочку, взял из нее добрую понюшку, протянул ее великому визирю, который тоже не преминул угоститься, и оба воскликнули:

- Мутабор!

Тут ноги их сморщились и стали тонкими и красными, красивые желтые туфли калифа и его спутника превратились в нескладные аистовые лапы, руки превратились в крылья, шея вытянулась и стала в локоть длиной, борода исчезла, а тело покрыли мягкие перья.

- Славный у вас клюв, господин великий визирь, - сказал калиф после долгого удивления. - Клянусь бородой пророка, ничего подобного я никогда в жизни не видел.

- Покорнейше благодарю, - отвечал великий визирь с поклоном, - но осмелюсь заметить, что в виде аиста ваше величество чуть ли не еще прекраснее, чем в виде калифа. Но пойдёмте, если на то будет ваше изволение, послушаем наших товарищей и узнаем, в самом ли деле понятен нам аистовый язык?

Тем временем другой аист спустился на землю. Он почистил клювом свои лапы, пригладил перья и подошел к первому аисту. А оба новых аиста поспешили приблизиться к ним и услышали, к своему удивлению, следующий разговор:

- Доброе утро, госпожа Долгоногих, в такую рань уже на лугу?

- Благодарю вас, дорогая Клювоцокалка! Я устроила себе легкий завтрак. Не угодно ли вам четвертушки ящерицы или лягушачьего бедрышка?

- Покорнейше благодарю. Сегодня у меня нет аппетита. Я пришла на луг совсем по другому делу. Сегодня мне предстоит танцевать перед гостями отца, и я хочу немножко поупражняться.

И молодая аистиха зашагала по полю, выделявая диковинные колена. Калиф и Манзор изумленно глядели ей вслед. А когда она в живописной позе стала на одну ногу и изящно помахала при этом крыльями, оба не смогли совладать с собой: безудержный хохот вырвался из их клювов, и отдышались они от него не так-то скоро. Первым пришел в себя калиф.

- Такая потеха, - воскликнул он, - дороже всякого золота! Жаль, что эти глупые птицы испугались нашего смеха, а то бы они, конечно, еще и спели!

Но тут великий визирь вспомнил, что смеяться, когда ты превратился в животное, запрещено. Он сообщил о своем опасении калифу.

- Ах ты, Мекка-Медина! Это была бы скверная потеха, если бы я остался аистом! Постарайся-ка вспомнить это дурацкое слово! Оно вылетело у меня из головы.

- Нам нужно трижды поклониться на восток и произнести при этом: му... му... му...

Они повернулись к востоку и принялись кланяться, чуть ли не касаясь земли своими клювами. Но увы! Волшебного слова они не помнили, и, сколько калиф ни кланялся, сколь истово ни восклицал при этом его визирь "му... му...", оно им никак не приходило на память, и бедный Хасид и его визирь так и оставались аистами.

III

Грустно бродили по полям заколдованные калиф и Манзор. Они понятия не имели, как помочь этой беде. Избавиться от обличья аистов они не могли, вернуться в город, чтобы там их опознали, не могли тоже; ведь кто поверил бы аисту, что он калиф? А если бы кто и поверил, то разве захотели бы жители Багдада, чтобы калифом у них был аист?

Так слонялись они много дней, скудно кормясь полевыми плодами, которые им, впрочем, из-за их длинных клювов было неудобно употреблять в пищу. Ящерицы же и лягушки не возбуждали у них аппетита, ибо они боялись испортить себе желудок такими лакомствами. Единственное удовольствие в этом печальном положении доставляла им возможность летать, и они часто летали на крыши Багдада, чтобы поглядеть, что там делается.

В первые дни они замечали большое беспокойство и уныние на улицах. Но день этак на четвертый после своего превращения они сели на дворец калифа, и тут они увидели внизу на улице пышное шествие. Гремели барабаны и трубы, человек в златотканом ярко-красном халате, окруженный блестящими слугами, восседал на разукрашенном коне. Пол-Багдада бежало следом за ним, и все кричали: "Да здравствует Мицра, владыка Багдада!" Тут аисты на крыше дворца переглянулись, и калиф Хасид сказал:

- Ты теперь догадался, почему меня заколдовали, великий визирь. Этот Мицра - сын моего смертельного врага, могучего волшебника Кашнура, который в один недобрый час поклялся мне отомстить. Но я еще не теряю надежды. Вперед же, мой верный товарищ в беде! Мы отправимся к могиле пророка. Быть может, в священном месте и чары спадут.

Они поднялись с крыши дворца и полетели в сторону Медины. Но с полетом дело не заладилось, ибо оба аиста еще не успели как следует поупражняться.

- О повелитель, - заохал через несколько часов великий визирь, - я, с вашего разрешения, долго не выдержу... Вы слишком быстро летите! Да и вечер уже, и не худо бы нам поискать пристанища на ночь.

Хасид внял просьбе своего слуги. И поскольку он увидел внизу в долине какие-то развалины, которые сулили приют, то они и полетели туда. Место, где они остановились на эту ночь, было, по-видимому, когда-то дворцом. Среди обломков стен возвышались прекрасные колонны, многие помещения, довольно хорошо сохранившиеся, свидетельствовали о былом великолепии этого дома. Хасид и его спутник стали обходить галереи в поисках сухого местечка. Вдруг аист Манзор остановился.

- Владыка и повелитель, - прошептал он тихонько, - глупо, конечно, бояться привидений великому визирю, а уж аисту и подавно! Но меня жуть берет, ибо здесь рядом ясно слышны были вздохи и стоны.

Калиф тоже остановился и отчетливо услышал тихий плач, наводивший на мысль скорее о человеке, чем о животном. Полный надежды, Хасид хотел пойти туда, откуда доносились эти жалобные звуки. Но визирь схватил его клювом за крыло и стал умолять не пускаться в новые, неведомые и опасные приключения. Тщетно! Калиф, в чьей груди и под аистовым крылом билось храброе сердце, вырвался, потеряв несколько перьев, и поспешил в темный проход. Вскоре он достиг двери, которая показалась незапертой, и из-за нее до него явственно донеслись стоны с легкими подвываньями. Он клювом распахнул дверь, но в изумлении остановился на пороге. В полуразрушенном помещении, скудно освещенном лишь оконцем с решеткой, он увидел на полу большую ночную сову. Густые слезы катились из ее больших, круглых глаз, а из крючковатого клюва лились хриплые стоны. Но, увидав калифа и его визиря, который между тем тоже подкрался сюда, она подняла громкий радостный крик. Она изящно вытерла слезы крылом в коричневых крапинках и, к великому удивлению обоих, воскликнула на хорошем человеческом арабском языке:

- Добро пожаловать, аисты! Вы - добрый знак моего спасения. Ведь когда-то мне было предсказано,

что благодаря аистам мне привалит великое счастье!

Оправившись от удивления, калиф склонил длинную шею, придал своим тонким ногам изящное положение и сказал:

- Ночная сова! Судя по твоим словам, ты наша подруга по несчастью. Но увы! Твоя надежда спастись благодаря нам напрасна. Ты сама признаешь нашу беспомощность, если услышишь нашу историю.

Сова попросила его рассказать ее. Калиф принялся рассказывать и поведал все, что мы уже знаем.

IV

Когда калиф изложил свою историю сове, та поблагодарила его и сказала:

- Услышь и мою историю и узнай, что я не менее несчастна, чем ты. Мой отец - царь Индии, меня, его единственную, несчастную дочь, зовут Луза. Тот самый волшебник Кашнур, который заколдовал вас, вверг в беду и меня. Он явился некогда к моему отцу и потребовал отдать меня в жены его сыну Мицре. Но мой отец, человек вспыльчивый, велел спустить его с лестницы. Этот негодяй, приняв другое обличье, умудрился пробраться ко мне снова, и однажды, когда я в своем саду пожелала освежиться прохладительными напитками, он, переодетый рабом, поднес мне питье, которое превратило меня в эту мерзкую птицу. Когда я от ужаса лишилась сознания, он доставил меня сюда и страшным голосом крикнул мне прямо в уши: "Безобразная, отвратительная даже животным, ты останешься здесь до самого своего конца или до тех пор, пока кто-нибудь по доброй воле не пожелает взять тебя в жены даже в этом страшном обличье. Так отомщу я тебе и твоему гордому отцу".

С тех пор прошло много месяцев. Одиноко и грустно живу я затворницей в этих развалинах, ненавистная миру, омерзительная даже животным. Красота природы от меня скрыта. Ведь днем я слепа, и только когда луна льет свой бледный свет на эти развалины, с глаз моих спадает темная пелена.

Сова умолкла и снова вытерла глаза крылом, ибо рассказ о собственных страданиях вызвал у нее слезы.

Во время рассказа принцессы калиф был погружен в глубокую задумчивость.

- Если я не ошибаюсь, - сказал он, - между нашими бедами имеется тайная связь. Но где мне найти ключ к этой загадке?

Сова отвечала ему:

- О господин! У меня тоже такое чувство. В ранней моей юности одна мудрая женщина предсказала мне, что некогда аист принесет мне большое счастье, и, пожалуй, я знаю, как нам спастись.

Калиф очень удивился и спросил, каким же путем.

- Волшебник, сделавший нас несчастными, - сказала она, - раз в месяц посещает эти развалины. Неподалеку отсюда есть зал. Там он обычно и пирует тогда со своими многочисленными товарищами. Я уже не раз их подслушивала. Они рассказывают друг другу о своих гнусных делах. Может, тут-то он и произнесет волшебное слово, которое вы забыли.

- О дорогая принцесса, - воскликнул калиф, - скажи, когда он явится и где этот зал?!

Несколько мгновений помолчав, сова сказала:

- Не сердитесь, но ваше желание я могу выполнить лишь при одном условии.

- Говори! Говори! - вскричал Хасид. - Приказывай, я согласен на любое условие!

- Видите ли, я тоже хочу освободиться заодно с вами. А это возможно только в том случае, если один из вас предложит мне свою руку.

Это условие, кажется, несколько смутило аистов, и калиф сделал знак своему слуге выйти с ним на минутку.

- Великий визирь, - сказал калиф за дверь, - это, конечно, дурацкая сделка. Но вы могли бы, если уж на то пошло, и жениться.

- Вот как? - отвечал тот. - Чтобы моя жена, когда я вернусь домой, выцарапала мне глаза? К тому

же я человек старый, а вы еще молоды и не женаты, и вам больше к лицу предложить руку юной, прекрасной принцессе.

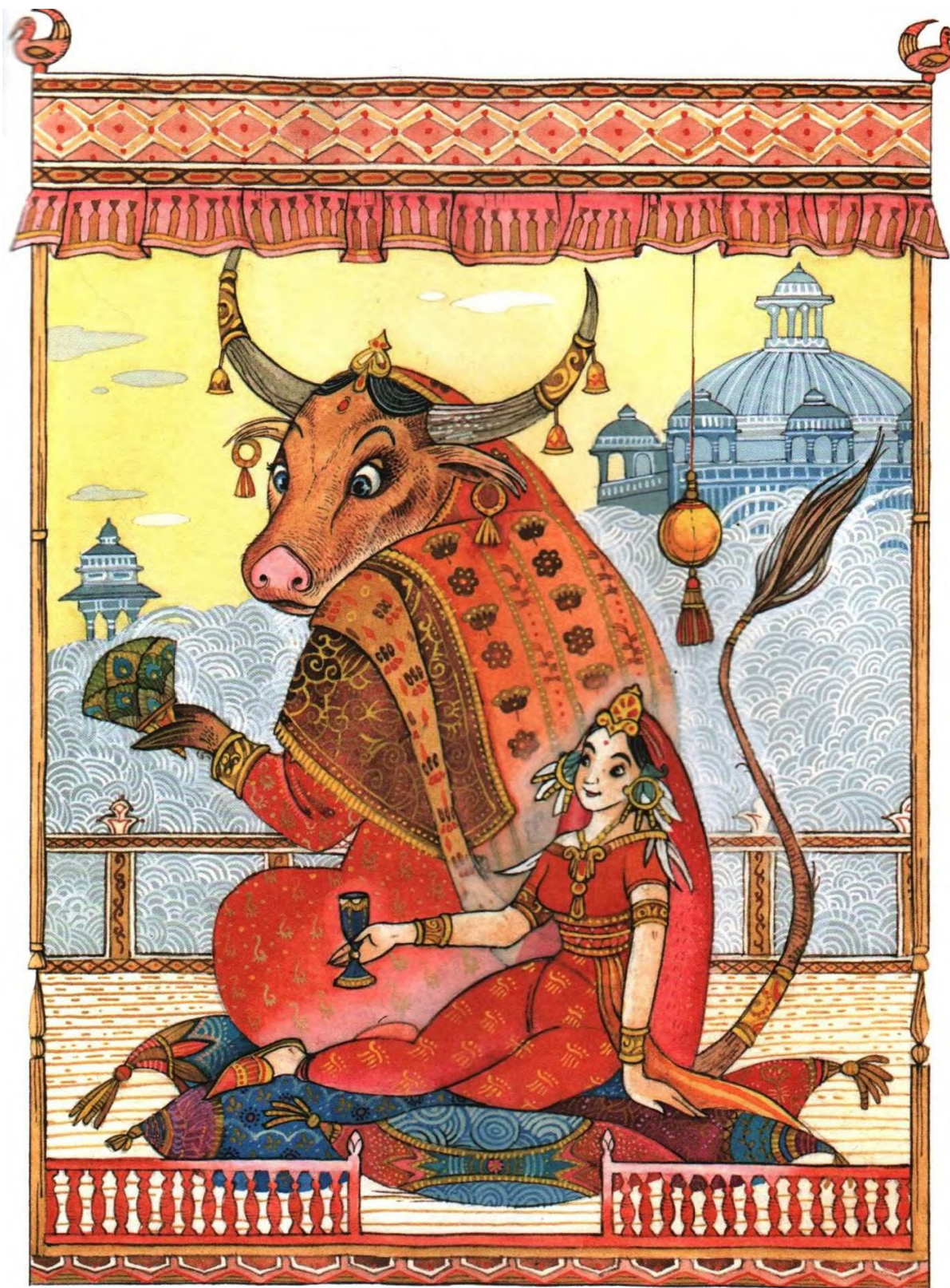
- То-то и оно! - вздохнул калиф, грустно опустив крылья. - Кто тебе сказал, что она молода и прекрасна? Это называется покупать кота в мешке!

Они еще долго уговаривали друг друга. Наконец, однако, убедившись, что визирь скорее останется аистом, чем женится на сове, калиф решил выполнить это условие сам. Сова ужасно обрадовалась. Она призналась им, что они пришли как нельзя более вовремя, потому что волшебники соберутся, вероятно, в эту же ночь.

Вместе с аистами она покинула свое помещение, чтобы отвести их в тот зал. Они долго шли по темному проходу. Наконец в полуразрушенной стене засиял свет. Когда они дошли до этого отверстия, сова велела им вести себя очень тихо. Через пролом, у которого они стояли, хорошо виден был большой зал. Он был по стенам украшен колоннами и великолепно убран. Множество цветных ламп заменяло дневной свет. Посреди зала стоял круглый стол, уставленный множеством изысканных кушаний. Вокруг стола тянулся диван, на котором сидело восемь мужчин. В одном из этих мужчин аисты узнали того торговца, что продал им волшебный порошок. Сосед по столу попросил его, чтобы он рассказал им о своих новейших проделках. Тот рассказал среди прочего историю калифа и его визиря.

- Какое же слово ты задал им? - спросил его другой волшебник.

- Очень трудное латинское слово - "мутабор".

v

Когда аисты, стоявшие у пролома в стене, это услышали, они чуть голову не потеряли от радости. Они так быстро побежали на своих длинных ногах к воротам разрушенного дворца, что сова едва попевала за ними. Там калиф растроганно сказал сове:

- Спасительница моей жизни и жизни моего друга, в знак вечной благодарности за то, что ты для нас сделала, возьми меня в мужья!

А потом он повернулся к востоку. Аисты трижды склонились в сторону солнца, которое только что взошло за горами.

- Мутабор! - воскликнули они.

В тот же миг они приняли прежний вид, и, несказанно радуясь вновь дарованной жизни, господин и слуга со смехом и плачем бросились друг другу в объятия. Но кто опишет их изумление, когда они оглянулись? Перед ними стояла прекрасная дама в великолепном наряде. Улыбаясь, она протянула калифу руку.

- Вы уже не узнаете вашу ночную сову? - спросила она.

Это она и была совой. В восторге от ее красоты и изящества, калиф воскликнул, что превращение в аиста было величайшим его счастьем.

И они втроем отправились в Багдад. Калиф нашел в своих одеждах не только коробочку с порошком, но и свой кошелек с деньгами. Поэтому в ближайшей деревне он купил все необходимое для их путешествия, и вскоре они достигли ворот Багдада. Прибытие калифа вызвало там большое удивление. Его уже объявили умершим, и поэтому народ был очень рад, что снова обрел своего любимого повелителя.

Но тем большей ненавистью воспылали люди к обманщику Мицре. Они двинулись во дворец и взяли в плен старого волшебника и его сына. Старика калиф отправил в то самое помещение полуразрушенного дома, где жила в виде совы принцесса, и велел его там повесить. Сыну же, ничего не смыслившему в искусстве отца, калиф предоставил на выбор умереть или угоститься

понюшкой. Когда тот выбрал второе, великий визирь протянул ему известную нам коробочку. Добрая щепотка порошка и волшебное слово калифа превратили его в аиста. Калиф велел запереть его в железную клетку и выставить в своем саду.

